

Проблемы построения духовно-ориентированной психологии

Выступление *Дмитрия Кирилловича Бурлаки* на пленарном заседании ежегодной Сретенской психолого-педагогической научно-практической конференции «Психея и Пневма» 25 февраля 2010 г.

Ведущая пленарного заседания – **М.В. Руднева**

М.В. Руднева: Здравствуйте, уважаемые коллеги! Рада вас приветствовать на нашей ежегодной Сретенской конференции, которая проводится в РХГА уже в третий раз и носит название «Психея и Пневма». Мы надеемся, что и на этот раз работа будет интересная, многогранная. Поздравляем вас всех с началом нашей конференции, и разрешите слово для доклада предоставить Дмитрию Кирилловичу Бурлаке, доктору философских наук, профессору, ректору РХГА. Тема доклада «Проблема построения духовно-ориентированной психологии».

Д.К. Бурлака: Коллеги, я тоже, пользуясь случаем, поздравляю вас с началом конференции, а также с прошедшим праздником Сретения Господня. Этот праздник символический: мы в свое время думали эту конференцию делать на Сретение, обозначая этим встречу светской науки и религиозного мышления. Но в целях удобства мы несколько сдвинули ее дальше, вглубь февраля. Но в целом Сретенская тема остается актуальной для нас и, в общем, в этом контексте, насколько я понимаю, выстроены все доклады. Так же можно поздравить с началом Великого поста, т.е. мы должны воздерживаться сейчас от каких-то ложных мыслей, иллюзий, и вот как раз тематика нашей конференции может в данном случае помочь.

Я несколько отступлю от прямой темы своего доклада, поскольку хотел поделиться с вами вчерашними впечатлениями. Я выступал на президиуме Российской Академии Образования, но по своему поводу. Академик Российской Академии Образования Николай Дмитриевич Никандров – президент РАО, попросил доложить об итогах серии «Русский путь: Pro et Contra». Так совпало, что в целом президиум Российской Академии Образования был посвящен актуальной ныне теме духовно-нравственного воспитания, и вне регламента даже приехал св. Патриарх Кирилл, его сделали почетным членом Академии и вручили соответствующие документы на этом заседании Президиума. Так вот в целом дискуссия также была достаточно плодотворная. Он сказал опять о значении мягкой христианизации всей системы образования – прямо в русле того, чем мы с вами занимаемся. А потом академик Никандров сделал интересный очень доклад, тезисы уже были его опубликованы, поэтому говорил президент РАО достаточно коротко. А вот дискуссия, ну, можно ли это назвать дискуссией – выступления – была достаточно интересная. Кто что говорил, но в основном в русле поручения президента Дмитрия Анатольевича Медведева о взаимодействии светской и церковной науки. Поэтому то, что мы в РХГИ когда-то делали в 1990-е годы и выглядели белыми воронами, теперь это что называется в мейнстриме.

Я хочу привести выступление одного из академиков, я не помню и даже не знаю, кто это говорил, поскольку не видно было издали. Он сказал интересную вещь: когда-то он был атеистом, а сейчас он уже, наверное, не атеист в силу новых обстоятельств, складывающихся в российской культуре и политике. Он сказал, что вот мы хотим внедрить сейчас духовно-нравственную проблематику в школы, в высшие учебные

заведения... Ну, собственно, и наша ведь конференция посвящена такому синтезу, пусть и в рамках частной проблемы построения психологической науки. А ведь мы, говорит академик, не отдаем себе отчета, что это может стать для педагогической системы потрясением, которое аналогично потрясению столетней давности, когда в школы вошел воинствующий атеизм. И ведь требуется на самом деле не просто ввести какой-то урок нравственности, или рассказывать про жизнь Иисуса Христа, или про жизнь других выдающихся религиозных деятелей, или по храмам детей водить. Требуется координация всей системы образования, содержания учебных программ с тем, что мы будем давать. А к этому-то ведь не готова школа. Будет сейчас внедрен предмет, а дальше-то что? Я думаю, что вот этот тезис, высказанный кем-то из академиков (я посмотрю потом в расшифровке, кто это говорил), более чем актуален. К этому следует прислушаться, в том числе и нам практикам, поскольку академики высоко парят и пишут разные умные документы, которые можно исполнять, можно не исполнять. А мы работаем непосредственно в человеческом материале и понимаем, с какими проблемами мы сталкиваемся. Вот об этом, собственно говоря, будет и мой доклад. Я воспользуюсь тем, что у нас достаточно узкий круг присутствующих и можно говорить проблематично, а не изрекать некоторые готовые и непреложные истины. Я, действительно, хочу сказать об острых вопросах, которые, мне кажется, здесь стоят, и я их немножко уже начал нащупывать.

Можно ли построить духовно-ориентированную психологию? Казалось бы, почему нет? Насколько я помню, что даже когда мы изучали психологию в рамках, близких к курсу марксистско-ленинской философии, нас ориентировали на высокие духовные ценности. Что вкладывать в слово «дух»? Если мы посмотрим на широкое употребление этого слова, то дух – некоторая устремленность к трансцендентному, причем это трансцендентное может располагаться в рамках нашей человеческой земной жизни. В этом смысле человека идейного, преследующего какие-то идеалы, выстраивающего жизнь в соответствии с какими-то идеалами, очень часто его называют «духовным». Отчасти это правильно. В таком случае духовными людьми будут революционеры, которые делали, например, большевистскую революцию. Да, они тоже духовные, они служили определенным идеалам, они жизнь свою и чужую полагали за эти идеалы. Т.е. они выходили за рамки узкого мирка чисто психологического существования, за рамки семейных ценностей, и так далее.

Иногда под духовной деятельностью – это уже более философский подход – понимают творческие свершения человека. Чем человек отличается от животного? Ведь и у животных имеется душа, пусть она не такая глубоко структурированная. Если Аристотелю следовать, то есть душа у животных, хотя кто-нибудь из психологов мог бы сказать, что у животных психика, а у людей душа. Я согласен с Аристотелем, который учил о растительной, животной и человеческой душе, но полагаю, что человек отличается от животных не просто более высоким уровнем организации психических функций, а наличием в его жизни духовного измерения. Дух – творит. Человек отличается от животных именно творческой способностью. Он может создавать науку, искусство, технику, государство, право – одним словом, весь мир культуры. Животные не способны производить нечто отличное от себя, они лишь воспроизводят среду своего обитания. И под духовной деятельностью в очерченном аспекте понимается именно культуротворческая работа человека. В таком контексте духовные люди – те, которые часто посещают театр, ходят в музей, читают книги, а также, безусловно, те люди, кто создает названные феномены культуры. Ну, отчасти с этим тоже можно согласиться, потому что, действительно, творчество, а человек способен на культурное творчество – это, не порождение. В рождении происходит воспроизводство подобного, а в творчестве появляется нечто качественно новое. Творчество представляет собой разновидность духовной деятельности. Однако если мы задумаемся откуда сама способность творчества,

то мы увидим, что она никаким образом естественно не укоренена в природе человека, ни одно животное ничего не творит, оно развивает какие-то вложенные в него информационные задатки, либо рождает нечто себе подобное. Но рожденное не похоже на сотворенное. Ведь симфония и композитор – субстанционально разные вещи. И тогда мы увидим, что духовность, в том числе и творческая духовность, связана с какой-то неотмирностью человека. В Библии об этой неотмирности говорится в том вполне определенном значении, что человек не простое творение, а он тварь, которая сотворена по образу и подобию Бога. Отсюда у него возможность творить. Это означает, что духовные начала в человеке в первую очередь связаны с его особым внеземным происхождением. Духовность в собственном смысле этого слова, на мой взгляд, и я думаю, что он может быть и не столь оригинален в данной аудитории, представляет собой совокупность человеческих отношений к Богу, к Абсолютному. И вот если мы так посмотрим на слово «дух», как ту способность человека, которой он трансцендирует, но трансцендирует именно к Богу, мы попадем в точку. Однако надлежит учитывать и возможность заблуждения в духе. Суть ложной духовности в том, что на место Бога может быть поставлен какой-нибудь идол – общественный идеал, например, или вечная материя. В свете всего сказанного о понимании духа и духовного создание духовно-ориентированной психологии будет проблемой. Почему? Казалось бы, есть же духовно-ориентированная психология у Отцов церкви, например. Почему бы нам просто не взять за основу построения, например, Григория Нисского? В таком случае не будет проблемы никакой – может быть так нам сделать?

Проблема возникает тогда, когда мы захотим сохранить в психологии то, чем она в последнее время очень сильно гордится – именно то, что она является наукой. Вот здесь возникнут проблемы. Действительно, психология существует как наука последние полтора-два столетия. Хотя психология гораздо древнее, первое представление о душе мы находим в мифах, да и во всех религиях обязательно присутствует какой-то концепт душевной деятельности. Без этого сложно обойтись, и чем более сложной является религия, тем более разработанными являются концепции души. Далее мы посмотрим, из религии вырастает метафизика и всегда в метафизике существует определенная концепция того, что такое душа. Возьмите античную философию: пифагорейцы и софисты, Платон и Аристотель, стоики и неоплатоники. Собственно говоря, не так много нового по существу сказано после Аристотеля о том, как организована структура душевной деятельности. Фактологически и эмпирически много нового, конечно, но структурно, т.е. по уровню организации психики новизны немного. И в этом смысле психология конечно является очень древней.

Имеем ли мы право, ориентируясь на построение духовной психологии, отбросить весь тот путь, которая проделала научная психология? Если мы такое волевое решение принимаем и отбрасываем его, тогда мы напрямую задействуем, например, какие-то святоотеческие концепты, связываем их с современным балансом знания. Получится ли из этого духовно-ориентированная психология? Тут мне можно возразить, что это несколько праздный вопрос, поскольку такой творческий синтез всегда осуществляет конкретный ученый, а вот насколько синтез удался – это всегда, в общем-то, вопрос практический. Сейчас предпринимаются такие усилия у нас, в России и я так понимаю, что даже люди, сидящие в зале не чужды таким устремлениям.

Я бы обратил внимание на две концепции, которые уже в каком-то смысле являются классическими, и на их примере попытался бы выявить, проблематичность прямого (или не очень опосредованного) соединения понятий святоотеческой антропологии и психологии, с одной стороны, и научно-секулярной, а зачастую и откровенно атеистической психологии, с другой стороны. Таковы книга Позова «Основы

древнецерковной антропологии» и работы Сергея Сергеевича Хоружего, нашего известного современника. Действительно у них есть похожее. В чем состоит похожесть? Они конечно не психологи в современном понимании этой профессиональной (теоретической и практической) деятельности. Они антропологи, это тоже очень важный момент. Но раз речь идет о построении антропологии, значит, обязательно будет психологический элемент. Как можно соединить современность, разные ее школы, и то, что было накоплено в рамках традиции? Для нас особенно актуально восточно-христианское предание, в частности, православная традиция. Мы, наверное, просто хуже знаем западную, и там, я думаю, что есть интересные какие-то элементы, но в силу причастности указанной традиции для нашей культурной среды здесь будет некая сложность.

Что делает Позов, и что пытается делать Хоружий, на мой взгляд? В целом ходы, которые ими предлагаются, эвристичны. Но это в целом, а в деталях и в конкретных выводах все не столь однозначно. Они говорят, что и психология (например, психоанализ, современный Позову, и да и Хоружий об этом говорит) и святоотеческая антропология описывают одни и те же реалии, но на разных языках. Значит, нужно соотнести тогда эти языки друг с другом. Например, то, что мы называем комплексом, можно страстью назвать, и так далее. Но чтобы соотнести друг с другом языки, нужно выйти в некоторый метаязык, сформулировать его и научиться его применять. Т.е. мало быть психологом, нужно иметь концепцию человека и притом концепцию человека не позитивистки выстроенную только как некоторое описание. По большому счету – концепцию человека с указанием на его место в мире, т.е. фактически философски обоснованную концепцию человека, философскую антропологию, даже если не богословскую, то философскую.

В данном пункте слушатель может мысленно ответить мне: Ну что ж, замечательно, тоже ничего такого нового вы тут не сказали, Дмитрий Кириллович. Действительно, психология и развивалась в недрах философии, и даже когда она вышла из недр философии все равно психолог всегда стоит на той или иной философской позиции, и он может быть не является профессиональным философом, но исповедует определенную систему взглядов. Бихеоверизм – ясно, что прослеживается его связанность с прагматизмом, инструментализмом. У гештальтпсихологии можно найти связку со структурализмом, с неокантианством. Архетипы Юнга рифмуются платоновским архетипам, а также трансцендентальным формам чувственности и мышления Канта, т.е. с категориями рассудка и идеями разума. Сам Юнг в общем так и прослеживает метафизические истоки глубинной психологии. Но в чем же тогда тут проблема?

Проблема для нас в том заключается, что с философией у нас дело не очень хорошо обстоит. Я имею в виду нас сейчас, т.е. людей, которые живут в постсоветской культуре. На какую философию опираться? Один вариант ответа, близкий сердцу и религиозным чувствам верующего человека, заключается в том, что можно опираться на тех же Отцов церкви. Однако такой вариант решения проблемы уязвим. Во-первых, они жили достаточно давно, во-вторых, у них ведь философии в чистом виде и в систематической форме не было, она вся вплетена в их общие теологические построения. Плохо это или хорошо – другой вопрос, но Запад создал религиозную философию, имеется в виду схоластика, а на Востоке эволюция христианской мысли ограничивается патристикой. И вот Иоанн Дамаскин – он первый схоласт, но он же, наверное, и последний, если вести речь о крупных мыслителях, которые являются создателями систем. Проблема и с религиозно-ориентированной философией. Да, в России появляется замечательная философия в XIX – начале XX века. Славянофилы, Соловьев и метафизика всеединства, Бердяев, Лосский. Но где они? Сейчас, а точнее говоря в 90-ые годы прошлого века, они пришли к нам, но последний из этих великих философов умер 50 лет тому назад. Т.е. все-

таки за это время развивались и антропология и психология. Где ныне философские системы такого уровня как у Франка или Лосского? Они в прошлом остались. Конечно, для философии 50 лет не очень большой срок и можно актуализировать наработки Серебряного века. Так пытается делать Хоружий, который известен нам и как исследователь русской религиозной философии. Но Хоружий, кроме того, еще и пытается осовременить ее с учетом постмодернистского дискурса.

В нашей же стране на протяжении 70 лет господствовала философия, которая называлась диалектический и исторический материализм. На мой взгляд, ее сложно назвать философией, на самом деле это мифология вечной материи, упакованная в оболочку псевдонаучных и наукообразных терминов. И за счет заимствования гегелевской диалектики она имеет некоторую системность. Тем не менее, эта крайне примитивная по своему интеллектуальному содержанию, а духовно попросту ложная философия была воспринята людьми, она вошла в плоть и кровь, скажем так, системы образования. До сих пор ее воспроизводят в подкрашенном и перекрашенном виде, хотя, может быть, и не столь агрессивном. Т.е. материализм перестал быть агрессивным, перестал быть воинствующим, но он все равно остается материализмом. В лучшем случае, можно вести речь о трансформации материализма в позитивизм.

Если же посмотреть на то, что произошло с постсоветской философией, то она от марксизма и диалектического материализма стала дрейфовать не к идеализму, как это произошло в свое время со знаменитыми нашими философами – Франком, Бердяевым, Булгаковым. Она стала дрейфовать к позитивизму. Но что такое позитивизм? Знак равенства между ним и материализмом мы не можем поставить по той причине, что позитивизм в лице лучших и наиболее последовательных представителей отказывается от метафизики вообще, в частности, он не скажет, что материя вечна. Это псевдо вопрос – вечен Бог или не вечен, материя вечна или не вечна, пусть этим занимаются теологи или другие философы, позитивист не будет это рассматривать. Но что актуально для позитивизма – то, что он вообще отказывается от рассмотрения вещей по существу – есть душа или нет? Это такой же псевдо вопрос как и вечность матери. Давайте будем исследовать психику, скажет философ-позитивист, и описывать те явления, которые мы находим в составе психической жизни, и может быть, какие-то связи между этими явлениями мы будем находить и не надо лезть дальше. Это господствующая в современности методологическая установка, не то чтобы полностью господствующая, но весьма и весьма распространенная.

Другая позиция более глубокая, чем наивный позитивизм – феноменологическая философия. Она в большей степени развита в Европе. Если позитивизм – это преимущественно американское явление, хотя и в Англии и во Франции он тоже популярен, то в Германии и во Франции в самой значительной степени доминирует феноменологическая установка. Феноменология, так популярно говоря, нечто среднее между идеализмом кантовского типа и позитивизмом. Сам Гуссерль так позиционировал себя, и у него черты и позитивистские есть и трансцендентально-идеалистические. Конечно, феноменология дает нам неплохой инструментарий, и в частности, Сергей Сергеевич Хоружий активно на него опирается. Но феноменология опять-таки запрещает выход в трансцендентное. Т.е. запрещает построение духовного измерения в религиозном смысле этого слова. Если мы и рассматриваем религию, то только как феномен нашей интеллектуальной жизни, ну, и духовной. Гуссерль пишет о духе, но это дух конечно не в смысле Отцов церкви, и даже не в смысле Гегеля, который все-таки говорил о Боге. Это описание некоторых феноменов – какой жизни? Жизни «Я». Как Гуссерль говорит, феноменология – это «эгосолипсизм».

Религиозно ориентированный психолог, если он не обременен избыточной философской подготовкой, может решительно двинуться вперед, заявив примерно следующее: давайте отбросим все эти установки! Советский кинематограф демонстрировал нам варианты так называемых «психических атак». Даже в театрах военных действий они заканчивались печально, а в науке тем более наскок не имеет шансов на успех. Проблема состоит в том, что и диалектический материализм, пусть перекрашенный и подретушированный немножко, и позитивизм, и феноменология, и неокантианство – это школы и традиции. Т.е. на них можно опираться, а всегда легче на что-то опереться, чем создавать нечто просто заново. А вот такой традиции и системно выверенной философии, которая имела бы место у нас здесь и сейчас и носила бы духовно-религиозную ориентацию (за исключением, пожалуй, старых текстов) мы найти не можем. Вот в этом, мне кажется, состоит проблематичность. Если же мы напрямую начнем замыкать психологические концепты, полученные, например, путем обобщения и современного научно-психологического опыта, и святоотеческие представления, то у нас вот этот средний опосредующий член, связанный с человеческим мышлением, будет проваливаться. В этом смысле у нас могут быть удачи, а могут происходить своего рода «короткие замыкания». Ну, знаете как короткое замыкание – искры из глаз сыплются, красиво. Потом проходит этот шоковый эффект и думаешь, что же произошло. Вот в этом состоит проблема, на мой взгляд, коллеги, серьезная проблема для нас.

Однако не так все и печально. Я думаю, другие будут говорить подробнее, я скажу о педагогической стороне вопроса, как мы пытаемся решать это в РХГА. Мы встраиваем изучение психологии не просто в философский, а в культурологический контекст. Т.е. пытаемся провести нашего студента-психолога через эволюцию взглядов на природу душевной жизни. Зачем это делается? Для того, чтобы с нашей помощью сознание студента приобщилось к основным этапам истории мышления. Мы надеемся, что наши психологи тоже будут принимать участие не только в практических каких-то деяниях, но и в творческой работе, в теоретической. Если вот это соединение, попытка выстроить у психологии духовные измерения будет предприниматься человеком, чтобы она предпринималась не на пустом месте, а на основе определенного багажа знаний. Знаний о том, как люди воспринимали природу душевной жизни.

Ну и конечно, мы пытаемся подвести студентов к мысли о том, что вне библейско-христианской установки на то, что человек сотворен по образу и подобию Бога, нам даже не то, что духовно-ориентированную, а личностно-ориентированную психологию сложно выстроить. Поскольку в случае, если нет Бога, человек тоже распадается в совокупность ролей, тех социальных функций, которые он исполняет. Откуда это творческое начало, связанное со свободой у человека, откуда этот момент идентичности? Ведь ни одно живое существо, тем более неживое, не обладает личностным самосознанием (трансцендентальным единством апперцепции, как это несколько мудрено писал Кант), такой идентичностью, которая, помимо удержания и сохранения собственного содержания, еще способна к тому, чтобы выходить за свои пределы, что-то делать и измерять. Вот если удастся донести это до студента – что же, это замечательно. Причем я хочу подчеркнуть, что какого-то одного пути, когда студенту, предлагается инструкция, а потом методичка личностного роста, – нет. Нет у нас инструкции, мне кажется, Мария Викторовна, такой, которая в простой и популярной, а главное – малозатратной форме учит нас, как студента-психолога сделать личностно-ориентированным человеком. Нет такой инструкции! Но вот сам контекст, реализуемый на протяжении всех пяти лет обучения в РХГА, безусловно имеется и поддерживается. Это называется – контекстное обучение. Сам образовательный контекст должен способствовать личностному росту психолога, а значит, и духовной ориентации его позиции. Т.е. мы в каком-то смысле сочетаем и целенаправленную деятельность, и движение методом проб и ошибок. По-

другому вряд ли получится. Разве что академики могут сразу какие-то декреты писать. Вчера академик один доложил, что оказывается, за последние годы их институт уже 150 работ выпустил по духовно-нравственному совершенствованию. Ну, это было конечно очень интересно, я и не подозревал, что так много работ вышло, оказывается, за это время. Если б они еще как-то отразились на качестве педагогической работы на местах, было бы просто замечательно.

Коллеги, я думаю, что выступил проблемно. На самом деле мы находимся в узком кругу, более или менее христиански ориентированных психологов, и мы должны осознавать ту проблему, которая перед нами стоит. Потому что, если не понимать сложностей, то можно наломать дров. Но для этого как раз и организована наша конференция, в которой участвуют и философы и психологи, люди верующие илидвигающиеся по направлению к вере, представители разных исповеданий. И в заключении своего короткого выступления хочу пожелать вам всем успехов и творческой работы, чтобы на нашей конференции имело место не просто зачитание докладов, а действительно происходил какой-то рост, подвижки определенные в интеллектуальной жизни. Спасибо за внимание.

(Аплодисменты)

М.В. Руднева: Вопросы есть? Пожалуйста!

Вопрос: Дмитрий Кириллович, Вы среди русских философов не упомянули имя Несмелова, его «Науку о человеке». Можно вкратце, как Вы относитесь?

Д.К. Бурлака: Очень позитивно. Я и Василия Васильевича Зеньковского не упомянул, хотя у него тоже по антропологии и психологии очень интересные работы, поскольку устная форма выступления и ограниченность времени сокращают возможности. Я очень позитивно к Несмелову отношусь, и мне кажется, что это тот образчик, в направлении которого мы должны были бы двигаться. Смотрите, что делает Несмелов. Он пытается выстроить научную антропологию, основываясь на данных современных ему психологии и философии. В то же время он опирается на Отцов церкви, в первую очередь на тех, на кого можно опираться. И поскольку здесь, еще раз повторю, понятие «Отцов церкви» является расплывчатым, у кого-то есть взгляд на этот вопрос, у кого-то нет. А вот у Григория Нисского и Несмелова, который опирался на этого богослова, у них как раз систематический взгляд представлен. И, кстати, помимо «Науки о человеке» же, ре-опубликована ли его эта работа о Григории Нисском?

М.В. Руднева: Опубликована. Да-да, они двухтомником вышли.

Д.К. Бурлака: С одной стороны хорошо, а с другой жаль, в издательстве РХГА макет тоже готов. Значит, деньги вложили в макет, а книгу кто-то опубликовал другой. Но все-таки Несмелов это ведь тоже представитель этой блестящей плеяды русских религиозных идеалистов. Антропология за сто лет ушла немножко вперед. Сейчас мы должны опереться на Несмелова, но очевидно, надо учитывать те наработки, которые были сделаны в конце века, все-таки психоанализ очень сильно изменил наши представления. Даже тот же самый Несмелов, ведь он не сталкивался с феноменом психоанализа в его развитии, это же начало века.

Из зала: Это его счастье.

Д.К. Бурлака: С одной стороны, да. Но мы не можем мимо пройти тех открытий, которые

сделал психоанализ. Другое дело, как Бердяев пишет, психоанализ сказал очень много правды о человеке, но проблема в том, что он говорит ложь о нем. Т.е. фактическая правда, но по сути дела – ложь, она состоит в том, что фактическое положение дел выдается за должное. Сущее выдается за должное, скажем так: человек в духовно-психологическом смысле не излечим по большому счету. Подлечить его можно, подлечить чуть-чуть, ну, заговорить демонов, духов заговорить как шаман, заболтать их на какое-то время, а по существу-то нет, ничего не сделаешь. Этот опыт надо осмысливать, но я думал, что, может быть, синтез Хоружего что-то поправит. Но тоже его критикуют. Извините, я уже про другое стал говорить. Критикуют за то, что он феноменологическую методологию использует, а в ней-то ложность есть. Бердяев, на которого я уже ссылался, предупреждал, но Хоружий критично к этому относится, что феноменология для духовного философствования неблагоприятна, она не схватывает очень важного. Она ориентирует нас на бытие сущего, с маленькой буквы, но не дает схватить бытие Сущего с большой буквы, т.е. собственного абсолютного измерения в феноменологии нет. Ну, вот такого уровня синтеза, как совершил Несмелов, по-моему, нет сейчас в России. Хотя синергичная антропология Хоружего очень интересна. Может, я просто не знаю. Для того времени это действительно был, да, подход. А сейчас пока нет.

М.В. Руднева: Еще есть вопросы?

Л.Ф. Шеховцова: Вы упомянули о работе Позова. Это, безусловно, интересная работа, но она очень методологически не выдержанна, и философски, т.е. там все вперемешку – и восточная философия, и восточное христианство. И я знаю, что для многих это является соблазном, в том числе даже для богословов и священников, вот Владыка Константин в свое время говорил, что надо Позова читать. Не считаете ли Вы, что надо написать такую хорошую основательную критику и разбор этого двухтомника позовского?

Д.К. Бурлака: Ой, это было бы интересно!

Л.Ф. Шеховцова: Это, по-моему, очень актуально и необходимо. Кто бы это сделал?

Д.К. Бурлака: Видите, какая штука. Надо обладать эрудицией Позова. Может быть... У меня иногда такое впечатление складывалось, что эта эрудиция в значительной степени строится на прочтении словарей. Впечатление иногда такое складывается. Особенно по второму тому. Первый том очень хорошо прописан, он же писал уже поздно эту работу, чуть ли не в 70 лет заканчивал ее. Ну, общем, и Кант в 68 лет писал «Критику способности суждения». Но второй том... Первый я с восхищением даже читал, а когда начал читать второй том, у меня такое впечатление сложилось, что эта эрудиция несколько поверхностна, порой не всегда материал концептуально переработан. Конечно, человек вообще существо ограниченное, в любом случае мы пользуемся не только текстами классиков, сейчас Интернет есть, словари всякие, учебники. Но это надо переработать материал, а вот нет этого. Смотрите, и Отцов церкви мы найдем у Позова, но при этом – он же и медик, он же еще с восточной философией все пытается увязать, он также претендовал то, что он переоценивает европейскую философию, и Фихте и Канта... Вот есть у нас, в нашей стране, человек, эрудиция которого могла бы быть сопоставлена с эрудицией Позова? – Сложно ответить сейчас на этот вопрос. Наверное, Хоружий претендовал бы, да. Он там тоже дхармы пытается включить... Порой синтез Позова кажется эклектичным, хотя некоторые догадки и прозрения просто впечатляют. Все-таки он уже был знаком с психоанализом, и попытка как-то оценить его с христианской точки зрения, причем не просто декларативно, как Бердяев делал, а на самом материале, впечатляет... Некоторые страницы очень вдохновляют. А некоторые наоборот заставляют задуматься. Работа Б. П. Вышеславцева не столь энциклопедична, но методологически

гораздо строже.

М.В. Руднева: Спасибо!